

Глава 7. Псевдорыночные формы отношений в аграрном секторе России

Осмысление происходящих в России в 90-е годы экономических процессов подводит к выводу, что новое общество, во всяком случае, его сложившийся переходный вариант, создается исключительно по принципу недиалектического, вульгарного отрицания прежней, плановой экономики во всех её сущностных характеристиках. Даже те позитивные черты планового хозяйства, которые впитывали в себя по мере совершенствования смешанные экономики развитых стран, в ходе российских переходных преобразований оказались полностью утраченными, а государство как необходимый внешний регулятор экономики потеряло всё свое значение, освободив место призрачному рыночному саморегулированию в условиях отсутствия самого отлаженного рыночного механизма. Таким образом, если плановую экономику в России, учитывая её огромное влияние на жизнь нескольких поколений советских людей, можно рассматривать как грандиозную утопию, реализованную на практике, то процесс перехода к рыночной экономике принял в России характер антиутопии как ее прямого антипода, что не всегда означало появление большого созидательного смысла в идущих экономических процессах. Чаще всего происходит всего лишь разрушение прежних форм, их деградация или видоизменения в связи с новыми идеологическими установками. Анализ проявления этой антиутопии и её результатов в аграрном секторе России и является предметом данного раздела.

Предпосылки возникновения псевдорыночных отношений

Сформировавшийся в России к концу 90-х годов тип экономики можно охарактеризовать как псевдорыночный, лжерыночный во многих своих проявлениях. Переход от господствовавшей в течение долгих десятилетий плановой экономики к рыночной в России не мог не быть длительным, тяжелым, сложным, противоречивым, однако в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств экономические процессы пошли в искаженном направлении, порождая множество псевдорыночных, формально похожих на рыночные, но реально отличающихся от них по своему глубинному содержанию форм отношений, способных в своем дальнейшем развитии привести к загниванию экономики, её деградации и экономической катастрофе с трудно предсказуемыми последствиями.

Не стал исключением в этом опасном процессе и аграрный сектор, который, как известно, по своей природе и не может быть полностью организованным на чисто рыночных началах по причине сильной зависимости как от естественных, природных, так и от экономических факторов – низкой ценовой эластичности спроса на сельскохозяйственную продукцию, высокой иммобильности используемых ресурсов, устойчивого ценового диспаритета, непреодолимой нестабильности фермерских доходов. Однако эта "естественная нерыночность" аграрного сектора, до сих пор являющаяся объектом острейших дискуссий как на Западе, так и в России, была дополнена рядом других обстоятельств, что и привело к возникновению и развитию различных лжерыночных форм.

Среди этих обстоятельств следует отметить прежде всего следующие.

1. Отсутствие достаточных четких теоретических представлений о процессе трансформации плановых форм аграрного сектора, глубоко укоренившихся в хозяйствовании и сознании людей за многие десятилетия советского периода, о направленности, ходе, промежуточных этапах, проблемах и противоречиях этого процесса и, наконец, о его конечных результатах, т.е. новой структуре отношений собственности, характере земельного оборота, конкретных формах ведения сельскохозяйственного производства, которые, будучи рыночными, учитывали бы и историческую, социальную, многонациональную специфику России.

Западная аграрная экономическая теория, многообразный опыт работы аграрных реформ в других странах, имеющаяся практика преобразований данного сектора экономики в постсоциалистической Европе, даже собственный российский опыт столыпинской реформы начала века все-таки не давали достаточных теоретических предпосылок для быстрого, относительно бесконфликтного и минимизирующего практические ошибки продвижения вперед. Механическое перенесение утверждений западной экономической теории на неподготовленную российскую почву, в область аграрной политики приводило к формальным преобразованиям именно псевдорыночного характера. Например, чрезмерное увлечение отечественных реформаторов опытом деятельности семейных ферм на Западе, которые стали рассматриваться как идеал хозяйствования при игнорировании многих практических моментов их жизнедеятельности (в частности, хорошо продуманной системы их государственной поддержки), в отрыве от российских реалий и проблем привело к серьезным просчетам и насаждению множества по сути мертворожденных хозяйств, обреченных на быструю естественную экономическую смерть.

2. Наличие серьезного сопротивления действительным реформам в среде многочисленной и многоопытной аграрной бюрократии, которая сразу почувствовала в них угрозу своим экономическим интересам. Однако именно эти люди в большинстве своем и оказались "проводниками" аграрных преобразований, извращая их подлинное содержание, способствуя созданию внешне новых, но по существу

лжерыночных форм. Реформаторы так и не смогли обеспечить прилив в сферу аграрного управления критической массы работников с новым мышлением и интересами.

3. Слабая, несистемная, постоянно отстающая от требований времени законодательная база аграрных преобразований, которая, с одной стороны, должна была обеспечить плавное, поэтапное, цивилизованное продвижение в сторону рыночных преобразований, а с другой, противостоять возможным массовым злоупотреблениям и извращением сути проводимой политики, которыми всегда потенциально чреваты трансформационные процессы. Законодательная власть России с самого начала оказалась полярно разделенной на непримиримые, антагонистические группировки, не склонные к серьезным политическим компромиссам в процессе законотворчества. В результате этого принятие ряда прогрессивных законов просто блокировалось, создавая почву для формальных преобразований, подменяющих собой необходимый реальный процесс. Российское сельское хозяйство за все годы так и не получило даже такого основополагающего законодательного документа, как рыночный Земельный кодекс – основу нормальных земельных отношений.

4. Неэффективное, слабое государство, фактически устранившееся от контроля за экономическими процессами в аграрном секторе и соблюдением принятых законов. Опыт успешных аграрных реформ, в какой бы стране они ни проводились, однозначно показывает, что только сильная, эффективная, жесткая государственная власть способна обеспечить действительный успех реформ, не затягивать их во времени, минимизировать их возможные отрицательные издержки, препятствовать всевозможным злоупотреблениям. В России, однако, естественный крах командно-бюрократической экономики, к сожалению, спровоцировал в сознании реформаторов сильную аллергию как на само существование государственного сектора вообще, так и на любое вмешательство государства в экономику, усиленную чрезвычайно модными в этой среде идеями монетаризма. В результате игнорировалась реальная практика развитых стран, в которых именно этот сектор в силу специфики сельскохозяйственного производства является самым регулируемым, несмотря на ведущиеся на Западе теоретические споры.

Скатывание экономической политики в сторону псевдопреобразований в сельском хозяйстве было усилено резким сокращением финансовой поддержки этого сектора по всем направлениям, бурным ростом коррумпированности государственных чиновников и нарастающей криминализацией экономики, которая стала характеристикой и для аграрной экономики.

5. Непродуманная и обвальная либерализация внешней торговли, проявившаяся, в частности, в бесконтрольном ввозе в страну дешевой сельскохозяйственной продукции из-за рубежа, часто субсидируемой другими государствами, т.е. по существу носившем демпинговый характер и разрушавшем отечественное аграрное производство, и без того находящееся в тяжелейшем положении. В условиях подобной товарной интервенции все намеченные преобразования могли носить только формальный характер и заранее были обречены на неудачу. Мировой опыт показывает, что создание новых форм производства на начальном этапе обязательно должно сопровождаться элементами протекционизма во внешней торговле применительно к продукции этих отраслей.

Таким образом, появление и развитие лжерыночных форм отношений в аграрном секторе России было обусловлено как объективными, так и субъективными причинами. Возникает вопрос: могла ли Россия в принципе избежать возникновения псевдорыночных отношений в сельском хозяйстве? На наш взгляд, полностью нет. Любые серьезные преобразования из-за неизбежного столкновения различных социальных интересов, как правило, сопровождаются появлением наряду с радикально новыми по содержанию, формально новых, а по существу старых или искаженных форм отношений. Однако в России лжерыночные формы отношений в аграрном секторе, в силу неверной ориентации экономической политики, многочисленных ошибок и просчетов приобрели огромный размах, по сути дела подменив реальные рыночные процессы.

Конкретные формы псевдорыночных отношений в аграрной сфере

Обратимся к конкретному анализу лжерыночных форм отношений в аграрном секторе, явившихся закономерным порождением соответствующей экономической политики.

В первую очередь речь идет об особенностях сложившейся собственности на основные сельскохозяйственные земли. Логически незавершенный и непоследовательный процесс приватизации земли привел к формированию псевдочастной земельной собственности как глубинной основы всех других деформаций в сельском хозяйстве.

Цивилизованная частная земельная собственность предполагает полные гарантии собственнику ее сохранности и защиты, использования и распоряжения, получения доходов от нее, но в то же время возлагает на него определенную ответственность, связанную с действующим в той или иной стране конкретным институтом обременения собственности, т.е. установленными правилами ее использования в интересах экономики в целом.

Для сложившихся в России отношений аграрной земельной собственности характерны следующие черты:

1. Чрезвычайно запутанное многообразие титулов прав на землю, а именно: собственность, пожизненное наследуемое владение, постоянное (бессрочное) пользование, временное (срочное) пользование, аренда, что в сочетании с многочисленными формами (индивидуальная, общая долевая, общая совместная физических и юридических лиц, федеральная, субъектов Федерации, муниципальная) делает очень

неопределенным конкретный статус той или иной земли, а следовательно, и права собственника. Плюрализм отношений земельной собственности, характерный для цивилизованной рыночной экономики, вылился в России в труднопонимаемую и труднорегулируемую систему отношений собственности, что неизбежно препятствует нормальному земельному обороту.

2. Отсутствие у экономических субъектов подлинного чувства собственности. Государство не является полноценным собственником из-за нерешенности проблемы раздела земли между Федерацией в целом, ее субъектами и местными органами власти, слабости и коррумпированности самого государства, а также отсутствия достаточного количества квалифицированных управленцев, способных и заинтересованных умножать богатство государства. Миллионы владельцев земельных долей в разного рода коллективных предприятиях не смогли осознать себя собственниками по причине невозможности действительно свободно распоряжаться своим паем. Хроническая убыточность абсолютного большинства сельскохозяйственных предприятий означает невозможность получения дохода на свой земельный пай. Наглядным показателем такого собственнического поведения является массовое стремление избавиться от земельной доли даже за символические деньги. В свете полученных результатов проведенную приватизацию земли можно оценить лишь как формальный процесс, который в большинстве своем не породил частного собственника как подлинного хозяина земли.

3. Невозможность нормальных процессов отчуждения собственности (свободной купли-продажи, обмена, дарения и т.п.) **как существенного права земельного собственника.** В силу отсутствия законодательного регулирования земельного рынка весь земельный оборот сводится к арендным отношениям, перераспределению долей внутри хозяйств, что далеко не всегда отвечает интересам повышения эффективности использования земли, а также теневого земельному обороту, при котором статус собственников часто остается весьма неопределенным. Вопрос о допущении свободной купли-продажи земли в России действительно является крайне сложным в нынешних условиях, когда государство практически полностью потеряло контроль над многими экономическими процессами, а опыт приватизации в остальной экономике дает много негативных примеров. Отсутствие регулируемого земельного рынка является фактором, препятствующим эффективному перераспределению земель. Эффект частной земельной собственности будет действовать лишь в том случае, когда собственник беспрепятственно сможет в случае необходимости произвести процесс отчуждения своей собственности или, наоборот, приобрести дополнительное количество земли. Право владения землей без права ее отчуждения является абсурдом, нонсенсом, а сама частная собственность – псевдособственностью. Однако не следует преувеличивать роли земельного рынка в росте эффективности сельскохозяйственного производства. Земельный рынок сможет привлечь в аграрный сектор дополнительные капиталы лишь в том случае, если это будут вложения, приносящие приемлемую прибыль, для чего в данный период необходимых условий нет. Поэтому форсировать развитие земельного рынка при сохранении множества причин убыточности сельскохозяйственного производства, лежащих за пределами смены форм собственности, бессмысленно и даже опасно, поскольку на этом рынке земля в принципе не сможет получить достойную цену и вместо собственника-производителя на рынок придет собственник-спекулянт. Система сдержек купли-продажи земли, о которой много говорят ее сторонники, в криминализованной экономике вполне может и не сработать, а земельный рынок примет стихийный, неорганизованный порядок. Таким образом, можно предположить, что псевдочастная земельная собственность в сельском хозяйстве России еще не скоро приобретет черты полноценной частной собственности.

Как следует относиться к тому, что ряд субъектов Федерации (например, Татарстан, Саратовская и Самарская области и др.), пользуясь своими правами, уже приняли региональные законодательные акты, разрешающие куплю-продажу, залог и другие операции с землей? Можно ли рассматривать это как магистральное движение в сторону наполнения провозглашенной в России частной земельной собственности реальным содержанием? В данный момент пока еще отсутствует достаточный массив данных, чтобы оценить значимость происходящих процессов и их возможное влияние на рост эффективности производства в аграрном секторе, но можно предположить, что такая политика чревата ростом местничества и земельных злоупотреблений в регионах. На наш взгляд, данная проблема в силу своей важности требует решения именно на уровне государства в целом во избежание усиления центробежных тенденций в экономике и дальнейшего ослабления регулирующей роли государства. В то же время подобные региональные эксперименты, несомненно, обогатят аграрную теорию отсутствующим эмпирическим материалом и позволят отработать методы контроля за земельным оборотом.

4. Невозможность кредитования сельхозпроизводителей под залог их земли, поскольку последняя сама по себе (а не вложенный в неё капитал) **не может выступать объектом залога.** Другие же варианты залога, используемые в мировой практике (залог будущего урожая, залог техники и другого имущества), практически неприменимы в нынешних условиях для большинства хозяйств. Реальная частная собственность предполагает право владельца сделать её объектом залога по своим финансовым обязательствам. Однако необходимые условия для полноценного развития залоговых отношений в России не созрели в силу многих причин. К ним можно отнести отрицательный характер земельной ренты в условиях убыточности сельскохозяйственного производства, крайне низкие цены на землю, которые неизбежно сложатся в случае допущения купли-продажи земли при резком превышении предложения над спросом, потенциальный крах кредитных институтов, которые рискнут в нынешних условиях заниматься кредитованием аграрного сектора

под залог земли, не зная, как потом выгодно избавиться от нее. К этим причинам можно добавить законодательную нерешенность этого вопроса и сильную оппозицию его решения. Тем не менее данное обстоятельство лишь подчеркивает формальность статуса частной земельной собственности.

5. Отсутствие нормальной рыночной оценки земельной собственности из-за отсутствия единого земельного кадастра, упадка сельскохозяйственного производства и падения экономического интереса к обработке земли. Сельскохозяйственные земли в функционирующей рыночной экономике являются достаточно дорогим товаром и выгодным вложением финансовых средств. Государство считает необходимым достаточно жестко регулировать цены на землю, понимая, что значительные колебания в ту или иную сторону чреваты негативными процессами. В основе такого регулирования лежат отлаженные многими десятилетиями, даже столетиями, данные земельных кадастров. В России нет единого земельного кадастра, отсутствует и значимый спрос на сельскохозяйственные земли со стороны производителей, без которого не может сформироваться достойная рыночная цена земли как главного ресурса аграрного производства. Данное обстоятельство завершает картину частной земельной собственности в России как псевдо- или лжечастной собственности.

Другим проявлением псевдорыночных преобразований в аграрном секторе является политика создания фермерских (крестьянских) хозяйств, которые первоначально рассматривались как основа будущего рыночного сельского хозяйства. Лишенные достаточной финансовой, материальной, технической, информационной, сбытовой поддержки, сталкиваясь с массовым бюрократизмом чиновников, рэкетом, эти псевдорыночные хозяйства во многих случаях являются номинальными производственными единицами, носят полунатуральный характер. По оценкам АККОР, из 270 тыс. крестьянских хозяйств 150 тыс. превратились в личные подсобные хозяйства, владельцы которых существуют за счет других источников доходов, и лишь 15% хозяйств, владеющих 60% земли и производящих ещё большую долю продукции, действительно стали настоящими, эффективными рыночными фермами. Примерно такие же печальные результаты получены в результате преобразования колхозов и совхозов в акционерные и другие хозяйственные общества и товарищества: лишь в 10–15% хозяйств полностью урегулированы отношения собственности. Как правило, именно эти хозяйства показывают и лучшие финансовые результаты. Массовая убыточность и неплатежеспособность всех других, продолжающееся разворовывание говорят о том, что и здесь происходят в основном лжерыночные преобразования.

Псевдорыночный характер носит и существующая практика финансирования аграрного сектора, имеющая мало общего с действительным финансированием непосредственных производителей. В отличие от любой рыночной экономики, где сфера кредитования носит конкурентный характер (например, в США фермеров кредитуют 472 специализированных банка), в России эта сфера монополизирована всего одним (СБС-Агро), навязывающим свои условия по кредитам. Скучные бюджетные средства, идущие на поддержку сельского хозяйства, являются объектом массовой коррупции и распределяются не в соответствии с рекомендациями экономической науки и возможностью максимальной отдачи, а исходя из корыстных интересов отдельных лиц. Не случайно сельское хозяйство рассматривается как одна из "черных дыр" экономики, где пропадают финансовые ресурсы.

Резюмируя сказанное выше, можно констатировать, что конкретные экономические процессы, происходящие в экономическом секторе, представляют собой аномалии экономического развития, порождающие множество лжерыночных форм, внешние характеристики которых часто скрывают их глубоко антирыночную сущность. На наш взгляд, эти псевдорыночные структуры нельзя считать переходными формами, неизбежными на пути от командной экономики к рыночной. Это, скорее, тупиковые формы движения к новому обществу, появление которых свидетельствует о допущенных в аграрной политике ошибках и просчетах. Постепенное преодоление, изживание этих форм будет носить длительный, болезненный, социально напряженный характер. Сложность ситуации состоит в том, что именно эти формы преобладают, доминируют в аграрных преобразованиях, часто дискредитируя в умах людей позитивные идеи, вызывая их стойкое неприятие. Однако все произошедшее уже стало историей, которую мы не в силах изменить. Остается только объективно оценить его и сделать выводы, чтобы избежать подобных ошибок в будущем.

Часть II. Социальная адаптация населения к рынку в условиях трансформационного спада

Раздел 1. Адаптация к свободе

Глава 8. Трансформация свободы и проблемы институционализации новых прав

Постановка проблемы